

ТЕРМИНАЛ «МОЛОДОЙ/ЗРЕЛЫЙ» ФРЕЙМА «КРАСОТА ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В.С. Змба, аспирант
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-83-87

***Аннотация.** В статье представлен сопоставительный анализ репрезентации фрейма «красота человека» в русской и французской лингвокультурах XIX века на примере терминала «молодой/зрелый». В ходе анализа установлено, что в обеих лингвокультурах возраст выступает ключевым эстетическим параметром; различие состоит в способах языковой репрезентации. Как в русской, так и во французской лингвокультуре красота связывается прежде всего с молодостью: ведущими выступают единицы, передающие динамические изменения, природный расцвет, переходное состояние. Отмечается, что русская картина мира ориентирована на динамическое понимание красоты как процесса, французская – на фиксацию идеального момента юности.*

***Ключевые слова:** фрейм; красота; лингвокультура; гендер; фреймовое моделирование.*

Современная наука о языке, рассматривая его через призму человеческого сознания, уделяет большое внимание изучению понятий, которые воплощают в языке социальные ценности. К таким понятиям относится «красота» – сложная и многогранная категория, постоянный интерес к которой обусловлен ее высокой степенью абстракции. По мнению В.А. Масловой, «каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации» [1]. Будучи одновременно универсальным понятием, присутствующим во всех культурах, и крайне специфичным (наполняемым разным смыслом), красота становится идеальным полем для сравнительных и когнитивных исследований.

Понятие «красота», несмотря на свою вневременную природу, наполнялось различным содержанием в зависимости от исторической эпохи и культурного контекста. В.С. Соловьев определял красоту через ее сущностное единство: это реализованная идея, гармония духовного и телесного [2]. В противоположность мыслителям, видевшим основу прекрасного в объективных свойствах материального мира (Аристотель, Эпикур, Демокрит, Лукреций Кар), Ф. Шиллер связывал красоту со сокровенной духовной природой человека, рассматривая ее как явление, одновременно субъективное, объективное и действенное [3]. В XIX столетии понятие «красота» претерпело трансформацию, восприятие определялось

сменой доминирующих культурных парадигм. В русской и французской лингвокультурах данного периода семантическое поле формировалось под влиянием романтизма, буржуазной морали, зарождающегося модернизма, что обусловило его полифоничность и внутреннюю противоречивость.

Сложность и многомерность понятия «красота», его абстрактная природа и ценностная составляющая обуславливают необходимость применения такого метода, как фреймовое моделирование: данный подход дает возможность упорядочить разнородные знания, формирующие содержание сложного понятия. Возрастающий интерес лингвистики к культурным понятиям в рамках когнитивно-антропоцентрического подхода и необходимость комплексного анализа репрезентируемых в языке ценностей определяют актуальность данной работы. Исследование нацелено на анализ языковых единиц, объективирующих мужскую и женскую красоту с применением методики фреймового моделирования. Остановимся на одном из структурных компонентов смоделированного фрейма «красота человека» – терминале «молодой/зрелый». Как отмечает М.В. Милованова, «начиная с XVIII-XIX вв. <...> ведущей характеристикой в толковании понятий (мужчина – женщина) становится не социальный, а биологический параметр – возраст» [4].

Материалом для исследования послужили национальные корпуса русского и французского языков (Национальный корпус русского языка [5], Frantext [6]). Анализ материала позволяет выявить доминирующие в XIX веке дискурсивные модели репрезентации гендерно-маркированных эталонов красоты в двух культурах.

В представлениях о красоте в русской лингвокультуре XIX века возрастные номинации тесно связаны с положительной оценкой внешности, однако способы языкового кодирования этой связи различны:

(Мужчина) *В дверях послышалась легкая, мужская походка, бряцанье шпор, и красивый, румяный, с чернеющими усиками, видимо отдохнувший и выхолившийся на спокойном житье в Москве, вошел молодой граф; Борис внимательно слушал того, кто говорит, ожидая своего черед, но вместе с тем успевал несколько раз оглядываться на свою соседку, красавицу Элен, которая с улыбкой несколько раз встретилась глазами с красивым молодым адъютантом; Наташа тотчас же узнала невысокого молодого человека в белом мундире: это был Болконский, который показался ей очень помолодевшим, повеселевшим и похорошевшим; Петя был уже большой, тринадцатилетний, красивый, весело и умно-шаловливый мальчик, у которого уже ломался голос; Князь Болконский был небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определенными и сухими чертами; Борис был высокий белокурый юноша с правильными тонкими чертами спокойного и красивого лица – Николай был невысокий курчавый молодой человек с открытым выражением лица; За Багратионом ехали его адъютант, молодой красивый брюнет...; Он был человек лет двадцати восьми, высокий, стройный, во всей силе и сочности молодости, румяный, с улыбающимися глазами и крупными, ласковыми, румяными губами; Петя был теперь красивый, румяный, пятнадцатилетний мальчик с толстыми, красными губами, похожий на Наташу; На широком крыльце, между двумя драгунами в синих мундирах и красных воротниках, стоял молодой, чернобровый, красивый молодой человек с тонкими губами, горбатым носом и усталыми глазами; Оно [лицо] сияло такую веселостью и молодостью, такую невинною молодостью,*

что напоминало ребяческую четырнадцатилетнюю резвость, и вместе с тем это было всё-таки лицо величественного императора; Он не мог теперь раскаиваться в том, что он, тридцати-четырёхлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену, мать пяти живых и двух умерших детей, бывшую только годом моложе его; Во всё время разговора Чичиков рассматривал гостя, который его изумлял необыкновенной красотой своей, стройным, картинным ростом, свежестью неистраченной юности, девственной чистотой ни одним прыщиком не опозоренного лица; Гаврила вошел не один; с ним был дворовый парень, мальчик лет шестнадцати, прехорошенький собой, взятый во двор за красоту, как узнал я после; Это был очень красивый молодой человек, тоже лет двадцати восьми, стройный блондин средне-высокого роста, с маленькою наполеоновскою бородкой, с умным и очень красивым лицом [5].

(Женщина) *Соне минуло уже 16 лет, и она была очень красива, особенно в эту минуту счастливого, восторженного оживления; Вера была двадцатилетняя, красивая девица; Соня шестнадцатилетняя девушка во всей прелести только что распустившегося цветка; Наташа полу-барышня, полу-девочка, то детски смешная, то девически обворожительная; «Да, да», говорил он, улыбаясь и слыша голос женщины, молодой, красивой, энергической, и видя всю ее перед своими глазами; Очень молодая женщина эта показалась Пьеру совершенством восточной красоты, с ее резкими дугою очерченными черными бровями и длинным необыкновенно нежно румяным и красивым лицом без всякого выражения; У нее тоже блестели глаза, но у брата они блестели холодно и слащаво, как леденцы, в ее же взгляде светилась молодость, красивая, гордая; В эпоху, нами описываемую, ей было 17 лет, и красота ее была в полном цвете; Недолго искало себе сердце повелительницы: оно поверглось к ногам семнадцатилетней девушки и поднесло ее неземной красоте весь пыл свежего сердца...; Приданым за Бертой Ивановной пошли: во-первых, ее писаная красота и молодость, а во-вторых, доброе имя ее матери, судя по которой практичный Фридрих Шульц ждал найти доброе яблочко с доброго дерева; Ей от роду*

шел всего **двадцать четвертый год**; Юная семнадцатилетняя особа [5].

У мужчин отмечается нормативно-оценочная сочетаемость определений возраста: возрастные показатели почти всегда выступают определениями-атрибутами, непосредственно примыкающими к единицам с эстетической семантикой («*красивый, румяный... молодой граф*»; «*красивый молодой адъютант*»; «*красивый молодой брюнет*»). Мужская красота также выражена через субъективно-оценочные отглагольные единицы со значением динамики, изменения, на что указывает префикс *по-* («*помолодевшим, повеселевшим и похорошевшим*»), демонстрирующие языковую тенденцию соотносить эстетическое улучшение с возвращением или усилением молодости. В отдельных случаях представлены количественные номинации («*лет двадцати восьми*», «*тридцати-четырёхлетний*»).

У женщин возраст реализуется через семантически более напряжённую связь между молодостью и красотой, где молодость не только усиливает привлекательность, но выступает её основным ядром. На уровне языковых средств эта связь проявляется через единицы, апеллирующие к фазам роста и расцвета («*во всей прелести только что распустившегося цветка*»; «*полу-девочка, полу-барышня*»). Экспликация возраста у женщин чаще передается через числительные («*шестнадцатилетняя девушка*», «*двадцатилетняя девица*», «*женщина лет сорока*»), при этом каждая возрастная категория имеет собственную эстетическую модель: подростковая юность – «прелесть», ранняя женственность – «элегантность», зрелость – «румяная, красивая женщина».

Таким образом, выделяются следующие ведущие языковые средства, заполняющие терминал:

мужская красота: единицы, номинирующие возраст в сочетании с номинацией статуса («*граф*», «*адъютант*»); единицы со значением динамики, изменения («*помолодевший, повеселевший и похорошевший*»); количественные и порядковые числительные («*лет двадцати восьми*», «*тридцати-четырёхлетний*»);

женская красота: метафоры, основанные на природных ассоциациях («*во всей прелести только что распустившегося цветка*»); состав-

ные единицы, фиксирующие переходность, – компонент *полу-* («*полу-девочка, полу-барышня*»); количественные и порядковые числительные («*шестнадцатилетняя*», «*двадцатилетняя*», «*лет сорока*»).

В представлениях о красоте во французской лингвокультуре XIX века возраст функционирует как значимый, хотя и не всегда эксплицитно оформленный параметр эстетизации. Репрезентация красоты через возрастные характеристики демонстрирует как общие закономерности, так и устойчивые гендерные различия, отражающие культурные идеалы эпохи.

Рассмотрим следующие примеры:

(Мужчина) *Marius à cette époque était un beau jeune homme (красивым молодым человеком) de moyenne taille, avec d'épais cheveux très noirs, un front haut et intelligent, les narines ouvertes et passionnées, l'air sincère et calme...; Pendant qu'il priait à haute voix, elles semblaient ne pouvoir assez admirer ses belles dentelles, sa bonne grâce, sa figure si jeune (юным) et si douce; M. Valenod, grand jeune homme (молодой человек), taillé en force, avec un visage coloré et de gros favoris noirs, était un de ces êtres grossiers, effrontés et bruyants, qu'en province on appelle de beaux hommes; Cet autre mousquetaire formait un contraste parfait avec celui qui l'interrogeait et qui venait de le désigner sous le nom d'Aramis: c'était un jeune homme de vingt-deux à vingt-trois ans à peine (это был молодой человек лет двадцати двух или двадцати трёх), à la figure naïve et douce, à l'œil noir et doux et aux joues roses et veloutées comme une pêche en automne... [6].*

(Женщина) *Cette femme, de trente ans à peine (лет тридцати), brune, assez belle, regardait vaguement avec de grands yeux noirs; La personne qu'il voyait maintenant était une grande et belle créature ayant toutes les formes les plus charmantes de la femme à ce moment précis où elles se combinent encore avec toutes les grâces les plus naïves de l'enfant (наивной грацией ребёнка); moment fugitif et pur que peuvent seuls traduire ces deux mots: quinze ans (пятнадцать лет); Quand on passait près d'elle, toute sa toilette exhalait un parfum jeune et pénétrant (молодой, пронзительный аромат); Avant d'ouvrir la porte, l'évêque se mit à genoux au milieu de ces jeunes filles toutes*

jolies (красивыми юными девушками); *Son interlocutrice, dont la tête apparaissait encadrée par la portière, était une femme de vingt à vingt-deux ans* (женщиной лет двадцати или двадцати двух). *Nous avons déjà dit avec quelle rapidité d'investigation d'Artagnan embrassait toute une physionomie; il vit donc du premier coup d'œil que la femme était jeune et belle* (молода и прекрасна); ...*son appartement se composait de deux petites chambres, fort proprement meublées dans une maison garnie dont l'hôtesse encore jeune et véritablement encore belle* (молодая и поистине прекрасная) *lui faisait inutilement les doux yeux; Un second sourire presque imperceptible effleura les lèvres rosées de la belle jeune femme* (прекрасной молодой женщины); *Il eut une surprise en la voyant, tant il la trouva belle et jeune* (такой красивой и юной она показалась ему) [6].

Как показали примеры, в репрезентации мужской красоты возраст чаще всего выражается через нейтральные или полуоценочные номинативные конструкции: *un beau jeune homme, grand jeune homme, un jeune homme de vingt-deux à vingt-trois ans, à peine trente ans*. В этих структурах единица *jeune* выступает главным эстетизирующим элементом: красота мужчины связана с молодостью как физическим состоянием, обеспечивающим гармонию черт, свежесть и внутреннюю силу. Возрастные указания у мужчин почти всегда оформлены либо как атрибуты (*jeune homme*), либо как постпозитивные уточнения (*de vingt-deux à vingt-trois ans*). Дополнительная эстетическая нагрузка возникает благодаря единицам *à peine, encore*, служащим для маркирования предельной юности и её ценности. Юность выступает как символ природной чистоты, наивности и «незавершённой» красоты. В ряде случаев возрастные характеристики сочетаются с нравственными (*air sincère et calme, figure jeune et douce*), молодость мужчины кодируется не только как телесный, но и как поведенческо-психологический признак.

У женщин возраст является существенно более значимой эстетической категорией и участвует в формировании идеала гораздо активнее. Женская красота чаще всего кодируется через возрастные маркеры, которые выступают самостоятельными источниками эстетической ценности. Широко представлены конструкции типа *une charmante fille de vingt-*

trois ans, une femme de trente ans à peine, une femme de vingt à vingt-deux ans, une belle jeune femme, la jeune fille. Такие номинативные группы обладают гораздо большей частотой и вариативностью, чем у мужчин, и включают разветвлённую систему единиц (*charmante, belle, fraîche, jeune*).

Особое место занимает возрастной идеал «переходной грации»: *moment précis où elles se combinent encore avec toutes les grâces les plus naïves de l'enfant; quinze ans*. Юность здесь понимается как пик женской красоты. Возраст часто сопровождается единицей *fraîcheur* (*d'une fraîcheur et d'une beauté*), выступающей устойчивым эстетическим маркером, соотносимым с канон «нежности» и «чистоты». Единицы, передающие движение (*il la trouva belle et jeune, toute sa toilette exhalait un parfum jeune*) формируют перцептивную модель красоты: молодость воспринимается как ощущение, аромат, световая аура.

Таким образом, можно говорить о ведущих языковых средствах репрезентации красоты. Обращает на себя внимание в рамках обоих гендеров сопоставление в ряде случаев с ребёнком (возраст + наивность, чистота), а также отмечена базовая для терминала единица *jeune* (молодой(ая)). В качестве ведущих средств, заполняющих терминал, отмечены:

мужская красота: базовая единица в рамках терминала, связывающая красоту с физическим состоянием (*un beau jeune homme* (красивый молодой человек), *grand jeune homme* (высокий молодой человек)); единицы, номинирующие пограничность, хрупкость и максимальную ценность молодости (*à peine* (едва), *encore* (еще)); единицы, номинирующие чистоту и наивность (*air sincère et calme, figure jeune et douce* (*вид искренний и спокойный, лицо молодое и нежное*));

женская красота: числительные, указывающие на возрастное разнообразие (*une charmante fille de vingt-trois ans* (очаровательная двадцатитрёхлетняя девушка), *une femme de trente ans à peine* (женщина едва тридцати лет)); единицы, номинирующие свежесть (*fraîcheur*); косвенная передача возраста через запах (*un parfum jeune et pénétrant* (молодой аромат)); номинации молодой женщины (*fille* (девушка)).

Таким образом, анализ фактического материала демонстрирует, что в каждой лингвокультуре возраст выступает ключевым эстетическим параметром как в мужском, так и в женском гендере, однако степень его семантической нагрузки и способы языкового выражения различаются. Общим является то, что молодость в обеих культурах функционирует как универсальный эстетический усилитель: и в русском, и во французском материале возрастные показатели тесно примыкают к единицам с семантикой красоты, формируя устойчивые сочетания типа «красивый моло-

дой...» или «beau jeune...», где именно компонент «молодой / jeune» становится главным носителем эстетической ценности. В сопоставляемых лингвокультурах молодость интерпретируется как признак природной гармонии, свежести, силы и целостности, а также как показатель потенциала и жизненной энергии. Сходство проявляется и в том, что возрастные характеристики мужчин часто сочетаются с нравственно-психологическими признаками, благодаря чему красота осмысливается не только как телесное качество, но и как отражение внутреннего состояния.

Библиографический список

1. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 296 с.
2. Соловьев В.С. Философский словарь. – М., 1989.
3. Шиллер Ф.К. Каллий, или о красоте. – Собрание сочинений: в 7 томах, Москва, 1955-1957.
4. Милованова М.В. История развития представлений о мужчине и женщине в русском языке (на материале лексикографических источников) / М.В. Милованова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4(107). – С. 414-416.
5. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>.
6. Frantext (Национальный корпус французского языка). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.frantext.fr/>.

TERMINAL "YOUNG/MATURE" FRAME "THE BEAUTY OF MAN" IN RUSSIAN AND FRENCH LINGUISTIC CULTURES

V.S. Ziba, *Postgraduate Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the representation of the "human beauty" frame in the Russian and French linguistic cultures of the 19th century using the example of the "young/mature" terminal. The analysis revealed that age is a key aesthetic parameter in both linguistic cultures; the difference lies in the ways of linguistic representation. In both Russian and French linguistic culture, beauty is associated primarily with youth: the leading units are those that convey dynamic changes, natural flourishing, and a transitional state. It is noted that the Russian worldview is focused on a dynamic understanding of beauty as a process, while the French one is focused on fixing the ideal moment of youth.*

Keywords: *frame; beauty; linguoculture; gender; frame modeling.*